

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ КАЗАХОВ (на материале казахских поэтических памятниках XVIII – XIX вв.)

Ж.К. Ибраева

В статье представлен лингвистический обзор языка политики казахов на примере поэтических памятников XVIII – XIX вв.

Мақалада қазақтардың XVIII – XIX ғғ. поэзиялық ескерткіштеріндегі саяси қарым-қатынастың лингвистикалық ерекшеліктері қарастырылған

This paper presents an overview of the linguistic political communication Kazakhs on the example of poetic texts XVIII - XIX centuries

Ключевые слова: политический текст, ораторская речь, жырау

Прежде чем обратиться к анализу языка политики казахов в письменных поэтических памятниках рубежа 18 в., считаем целесообразным представить обзор дефиниций термина «язык политики», поскольку зачастую наблюдается разночтение терминов. Необходимо отметить, что язык политики – это комплексная проблема, детерминированная, во-первых, глобализацией мирового сообщества в целом, а также преобразованиями, переживаемыми отечественными и зарубежными науками социально-гуманитарного цикла. Поэтому вопрос языка политики занимает важное место на различных уровнях осмысления проблемы политической коммуникации, это прослеживается как в теоретических изысканиях ученых, так и в внедрении новых форм, процедур и методов анализа политической коммуникации (А.П. Чудинов, Г. Султанбаева, М. Мухарямов, Б.А. Ахатова, Ж.К. Ибраева).

Политологический словарь определяет язык политики как систему коммуникативных средств кодирования политической информации, провоцирования политических действий и управления ими. При этом в комплексном понятии языка политики принято дифференцировать язык переговоров, как и апеллирующий язык, используется для обретения поддержки определённой политической позиции; юридический язык конституций, законов и кодексов законов, договоров, соглашений и т.д. В отношении синтаксиса юридический язык сплошь состоит из дефиниций и предписаний; бюрократический язык как язык административных правил, распоряжений, указов и т.д. обнаруживает некоторое сходство с юридическим языком (точный язык предписаний), однако, по мнению С.П. Поцелуева, отличается от него по некоторым важным формальным моментам: по пользователю языка (не публично избранная власть, а назначенные чиновники); по адресату (не электорат, а клиентура); по характеру массовой реакции на данный стиль (никакого сочувствия, только раздражение и насмешки) [1].

Г. Кульжанова в своих исследованиях выделяет основные уровни и символы языка политики, подчеркивая, что язык политики не является чем-то однородным и цельным. Он обладает определенным строением. Это строение можно представить двояко: 1) в виде ядра и ряда концентрических кругов вокруг него; 2) в виде ряда уровней, субординированных относительно друг

друга. По мнению исследователя, обе эти модели дополняют одна другую, а взятые в отдельности, они не отражают всю структуру языка политики [2].

Язык политики любого государства – это сложный многоаспектный феномен, предполагающий учет целого ряда культурных, национальных, геополитических, демографических факторов, а также внутри-, и внешне политических особенностей существования государства. И на первый план здесь выдвигается проблема диахронического исследования языка политики с учетом языковых особенностей исторических этапов становления государства.

При обращении к источникам, становится очевидным, что язык политики берет свое начало еще с древнейших времен и связан с искусством красноречия и риторики, в основе которых лежат ораторские речи, касающиеся государственного управления. Риторика как наука речевого убеждения и речевого воздействия, как известно, возникла еще в V в. до н.э. и играла первостепенную роль в обществе. Важность политических речей в древности была неоспорима, поскольку от искусства убеждения оратора, воздействия его речи на массы зачастую зависел весь ход исторических событий (исход сражения, военные переговоры и пр.).

На формирование политической коммуникации казахов оказал большое влияние период, связанный с именем хана Есім, в правление которого был разработан и принят кодекс «Есім ханның ескі жолы», к сожалению, не сохранившийся в виде письменных памятников. По свидетельству ученых, в период правления Есім хана произошло коренное реформирование политической системы Казахского государства, власть ограничила политические права сословия чингизидов и установила широкие права для общин и их руководителей [3]. Юридически эти изменения были закреплены в своеобразной конституции – «Есім ханның ескі жолы» (Древний путь Есим хана), принятой как дополнение к кодексу Қасым хана. В правовом акте определялись полномочия хана, биев и батыров, а также их взаимные обязанности и права. Как показывает ретроспективный обзор, анализируемый период отличался тем, что высшей законодательной властью обладал Маслихат, в состав которого входили представители казахских общин и влиятельные султаны. Реформирование в политической системе привело к изменению принципов выборности ханов.

Расцвет казахской политической коммуникации приходится на период XVII-XVIII вв. и представлен законодательным памятником «Жеті жарғы» Тауке хана (1680-1718), разработанным при участии известнейших биев трех казахских жузов Төле би, Қазыбек би и Әйтеке би [4]. Необходимость создания такого рода закона была вызвана, по свидетельству историков, сложной политической обстановкой и существующими социально-экономическими условиями казахского государства анализируемого периода.

Необходимо отметить, что полный лингвистический анализ памятника представляет определенную трудность по причинам отрывочных записей-пересказов и неполных вариантов текста. По мнению ученых, «Жеті жарғы» отчасти был сформирован и переработан из вышеуказанных Законов Қасым хана и Есім хана и состоял из семи разделов «Жер дауы», «Отбасы – неке

заңы», «Әскери заң», «Сот заңы», «Қылмысты істер заңы», «Құн заңы», «Жесір дауы», охвативших практически все стороны жизни казахского общества. Терминологическую основу составляли термины обычного права казахов *асар, аманат-мал, сауын, мүлік, ен, кепіл, қызыл көтеру, жылу, жұртышылық/ағайыншылық, қонағасы* [4, С.71].

В этой связи особый интерес представляет следующий отрывок:

Көтеріліс жасп, бүлік шығарған кісілергі өлім жазасы бұйырылсын / мемлекеттің бүтіндігін сақтау талабынан туды;

Елге опасыздық еткендер өлім жазасына бұйырылсын / халықтың ортақ мүддесі – елдің бүтіндігін қорғаған біртұтас қоғамдық сананың жемісі;

По свидетельству некоторых историков, законы Тауке хана были излишне жестокими:

Мемлекет ішінде жазықсыз кісі өлтіргендер өлім жазасына бұйырылысын / кісі өлтірушілікке тыйым салғандықтан туды;

Зинақорлық жасап, ақ некені бұзушыларға өлім жазасы бұйырылсын / шаңырақтың бірлігін қамтамасыз еткен.

Как видно из приведенных отрывков, специфичной была структура самого памятника. В начале текста были обоснована причина и следствие наказания за определенное преступление. Далее предлагалось причины назначения наказания:

Тұсаулы жүрген сәйгүлік атты ұрлаған кісіге өлім жазасы бұйырылсын / ат – мемлекеттің соғыс күші ретінде бағаланған

В памятнике четко прописаны формы и сумма штрафа за то или иное преступление:

Біреудің көзін шығарған кісі айыпқа қызын береді, ал қаза жоқ болса, қыздың қалың малын береді,

Төрт мүшенің бірін мертіктірген кісі айыпқа ат береді,

Ұрланған жылқы, өзге де құнды мүлік үшін он есе артық айып төлеттірілсін;

Өзін-өзі өлтіргендер бөлек жерленеді;

Әйел зорлау кісі өлтірумен бірдей қатар қылмыс болып есептелген. Мұндай қылмыс үшін еріне немесе қызының ата-анасына құн төленуі тиіс. Егер жігіт өзі зорлаған қызға қалың төлеп үйленсе, жазадан босатылады [6, с. 188].

При всей неоднозначности трактовки частей текста памятника, он представляет огромную историческую, культурную и лингвистическую ценность, поскольку является образцом формирования казахской политической терминологии и изучения политического языка указанного периода.

Важное место в политической коммуникации казахов занимало *судебное красноречие*, целью которого являлось оказание эффективного воздействия на судей, способствовавшего формированию их убеждений. Основной судебной властью в казахском обществе XVII-XIX вв. обладал суд биев:

Ей, Орманбет!

Сен бізге Қасқакөлді беріңіз,

Қасқакөл сізге, рас, жақынырақ жеріңіз.

«Бардан пайда, жоқтан залал» деген.

*Не берсе артының қайырын тілеп көріңіз,
Үш жүздің ортасында Қасқакөл бар,
Әр жерде ауыз сулық басқа көл бар.
Үлеспей үш жүз тел боп тең жайылайық,
Жер жетер көңіліңді ұстама тар [6, с. 11]*

Как можно заметить, характерной особенностью ораторского искусства биев являлись следующие: импровизация, аллегоричность, опора на фольклор. Г.Г. Гиздатов в своих исследованиях отмечает философский подход к решению спорных вопросов, поскольку «право быть бием определялось двумя исходными моментами: тербовались глубокие познания в судебных обычаях и учитывалось личное ораторское мастерство» [7, с.28].

Особую роль в политической коммуникации анализируемого периода играли акыны–жырау, которые являлись своеобразными посредниками между народом и представителями власти. Такой знаковой фигурой по праву считается эпический поэт Бухар-жырау, советник хана Абылая. Известно, что период правления Абылай хана отличался как целостным реформированием системы казахского ханства, так и преобразованиями внешне-внутриполитической структуры, что не могло не сказаться на языке поэтических памятников того времени. Текстологический анализ творчества Бухар-жырау позволил ученым (К. Омиралиев, М. Магауин и др.) описать политические термины, означающие иерархию властной структуры казахского ханства. Известный ученый-тюрколог К. Омиралиев в своей монографии «XV-XIX ғ. қазақ поэзиясының тілі», сопоставив варианты текстов Бухар-жырау, выявил термины политической власти казахов: *патша, хан, би, бек, төре* и др [7, с.146]. По свидетельству ученого, в поэзии Бухар-жырау присутствует целый пласт слов, терминов и словосочетаний, отображающих политическую и экономическую жизнь казахского общества. К. Омиралиев условно подразделяет их на шесть тематических групп. 1 группу составляют термины, обозначающие политические должности и статус казахской власти: *султан, би, хан, патша, төре* и др. 2) *аталы, атасыз, тексіз, затсыз, жабы*; 3) *қара, халқым, жалғыз, момын, қараша (халқы сыйласа)*; 4) *бай, кедей, жарлы, қызметші, азаткер, құлыңсыз, құң*; 5) *жол, жора, пара, олжа*; 6) *бөліске түсу, жарлық салу, қаһар қылу, есе тию, теңдік тию, бұйыру, сөгу, біту (Абылай алдында сен бітсең)* (прим. К. Омиралиева) [7, с.152].

Как показывает обзор, политическая коммуникация Казахстана сформировалась в результате длительного развития под влиянием сложных политических процессов и социально-экономических факторов. При исследовании языка политики XIX в. нельзя не отметить творчество и важную роль в формировании политической коммуникации таких акынов-просветителей как Дулат Бабатайұлы и Махамбет. На наш взгляд, интересный и ценный материал для лингвистического исследования представлен в произведениях Махабета как «Баймағамбет сұлтанға атқаны», «Соғыс», Исатай сөзі».

Наследие Дулат Бабатайұлы представляет огромный научный интерес по целому ряду причин: во-первых, в силу политических причин времен советской

власти долгое время творчество Дулата оказалось не изученным, поскольку стихи Дулата считались враждебными, воспевающими жизнь феодалов, намеренно искажая их значение и трактовка. Впервые целостный лингвотекстологический анализ поэтического наследия Дулата был представлен вышеуказанным ученым К. Омиралиевым, который систематизировал поэтические тексты, а также представил концептуальное лингвистическое и литературоведческое исследование творчества Дулата. Основные положения концепции ученого отражены в его монографиях «XV-XIX ғ. қазақ поэзиясының тілі» (1976), «Қазақ поэзиясының жанры және стилі» (1983), «Дулат Бабатайұлы. Замана сазы» (1991). Во-вторых, тексты поэзии Дулат представляют большую ценность как образец политической коммуникации начала XIX в.

Культурно-историческое наследие казахского народа, связанное с зарождением и развитием политической коммуникации, языка права, судебного красноречия, дипломатических документов заложило основу для формирования самостоятельного интегративного направления казахстанского языкознания – политической лингвистики, требующей своего онтологического обоснования с привлечением данных истории, политологии, этнологии, социолингвистики, когнитивной лингвистики, теории языковых контактов и текстологии.

Литература:

1. Политология: словарь // dic.academic.ru/dic.nsf/politology/268.
2. Кульжанова Г. Язык политики как социолингвистический феномен // www.policy03.narod.ru/29.doc
3. Ашимбаев Д., Хлюпин В. *Казахстан: история власти. Опыт реконструкции.* – Алматы: Credos, 2008. – 920 с.
4. *Қазақстан Республикасы. Энциклопедиялық анықтамалық.* – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2007. – 576 б.
5. *Ұлылық қалғыса ұлт ұйқыға кетеді. Даналардан жеткен сөз.* – Астана: ІС-Сервис, 2007. – 383 б.
6. *Билер сөзі. Шешендік, толғау, арнау, дау.* – Алматы: Қазақ университеті, 1992. – 160 б.
7. Гиздатов Г.Г. Судебная риторика. – Алматы: Жеті жарғы, 1995. – 144 с.
8. Өмірәлиев Қ. XV-XIX ғасырлардағы қазақ поэзиясының тілі. – Алматы: Ғылым, 1976. – 270 б.